

съ которою гр. Л. Н. Толстой, столь умный и талантливый литераторъ, отстаиваетъ „свой“ методъ, — опытъ многихъ вѣковъ, кажется, достаточно показалъ всю его несостоятельность. Но да не подумаютъ читатели, что гр. Толстой вноситъ что-либо новое въ „свой“ методъ грамоты — ни сколько, — это старый и всѣмъ извѣстный способъ буквосочетанія. Улучшеніемъ въ этомъ методѣ гр. Толстой представляетъ то, что буквы въ немъ произносятся не по именамъ (*азъ, буки* и проч.), но съ прибавкою звука *е* (*бе, ве.... ме, не....*); затѣмъ для наилучшаго запоминанія буквъ авторъ рекомендуетъ ихъ копировать ученикамъ. безъ соблюденія правильности при письмѣ, печатнымъ шрифтомъ. Нужно ли говорить, какъ все это *не ново*, какъ все это *безполезно*, какъ все это мало улучшаетъ дѣло обученія? Не говоримъ о трудахъ Локка и Базедова; назадъ тому 20 лѣтъ мы сами учились по этому „новому“ способу — *бе, ве, ге* и пр., сами „рисовали“ буквы и сами по опыту знаемъ, чего стоитъ эта „наука“; — ужели мало было опытовъ раньше, чтобы ихъ повторять снова? Какая цѣль? Гр. Л. Н. Толстой заявляетъ, что онъ готовъ *публично* доказать на опытѣ, что по „его“ методу *скорѣе* дѣти выучиваются чтенію, чѣмъ по звуковой методѣ: странный вызовъ! Пусть даже скорѣе (въ чемъ мы положительно сомнѣваемся); но не далеко мы ушли, если *скоростію* будемъ опредѣлять достоинство способовъ обученія грамотѣ. „Не потому должно предпочитать звуковую методу, пишетъ Ушинскій, что дѣти по ней скорѣе выучиваются читать; но потому, что, достигая успѣшно своей спеціальной цѣли, метода эта въ то же время даетъ самостоятельность ребенку, безпрестанно упражняетъ вниманіе, память и разумъ дитяти, и когда передъ нимъ потомъ раскрывается книга, то оно значительно подготовлено къ пониманію того, что читаетъ, и главное, въ немъ не подавленъ, а возбужденъ интересъ къ ученію, любознательность.“ Вотъ принципы для оцѣнки методовъ, а не скорость. Методъ обученія долженъ быть развивающимъ, какъ все обученіе воспитывающимъ. Пусть *лично* гр. Толстой и *скоро* выучиваетъ, пусть онъ покажетъ въ этомъ *свое* искусство и публично (хотя такое показываніе, по нашему мнѣнію, нѣсколько не согласно съ педагогическимъ достоинствомъ школы и обученія), — что же изъ этого? Извѣстно, что Жакото производилъ и не такіе „кунштюки“ по своей универсальной методѣ: не говоря уже о томъ,